

ГЛАВА 1

ВЕЧНОЕ ПЕРО*

Наконец-то закончилась стажировка для новых сотрудников, начавшаяся первого апреля. Первые две недели мы жили прямо в учебном центре и слушали лекции, а с третьей недели формат сменился: нас делили на группы, и мы по очереди объезжали главную контору, заводы, филиалы продаж, исследовательские центры, а затем презентовали выученное перед всеми.

Группы, обычно организованные по пять человек, велено было перетасовывать при каждой смене места визита, чтобы новички успели пообщаться со всеми своими сокурсниками по найму**. Но оттого что спутники каждый раз менялись, у меня, человека застенчивого, стресс был чудовищный. Настолько, что сил уже не оставалось.

* Вечное перо — японское название авторучки. Дословно: «кисть на десять тысяч лет». В японском языке это слово обладает мягким элегантным, чуть старомодным оттенком (ассоциация с качественным письменным прибором, престижем, каллиграфической традицией). *Здесь и далее прим. пер.*

** Сокурсники по найму — ключевое социальное понятие в японских компаниях. Означает людей, принятых на работу в один и тот же год. Отношения между такими коллегами часто ближе, чем с другими сотрудниками, и могут сохраняться на протяжении всей карьеры.

А сверх того или, вернее, вдобавок к этому тяжелее всего была борьба за лидерство среди ровни. Ну, знаете, эта игра в «кто выше». Отдел кадров, конечно, твердил: «Стажировка для новичков — это место учебы, а не оценки способностей и профпригодности», но и в вопросах на объектах, и в обсуждениях внутри групп, и в самих презентациях неизбежно становилось видно, кто лучше, а кто хуже. Из-за того, что это повторялось раз за разом, среди сокурсников по найму незаметно начала выстраиваться иерархия. Атмосфера испортилась настолько, что в перерывах за спиной уже можно было услышать и такое: «И как его вообще взяли к нам в компанию?» или «Небось, по блату?» В итоге еще до окончания стажировки для новичков трое уволились.

— Мы же одногодки, давайте помогать друг другу и жить дружно. — Я столько раз порывался это сказать. Но слова так и не сорвались с губ. Со мной всегда так: не могу вымолвить главное в нужный момент. А потом еще долго переживаю из-за того, что не сказал, не сумел передать. В таком состоянии смогу ли я выдержать торговую стажировку*, которая начнется после выходных?

По пути домой, в комнату, где меня никто не ждет, меня переполняла смутная тревога. Я только что получил первую зарплату, завтра начинаются длинные выходные в честь Праздника весны** ... и все равно на душе было неспокойно.

* Торговая стажировка — в японских компаниях торговая стажировка означает не просто «торговля» или «продажи», а деятельность сотрудника отдела продаж, которая включает визиты к клиентам, переговоры, поддержание отношений.

** Праздник весны — имеется в виду «Золотая неделя», период с конца апреля по начало мая, когда в Японии подряд выпадают несколько государственных праздников (День Сёвы, День Конституции, День зелени, День детей). Многие компании и школы закрыты примерно на неделю.

В поезде метро меня вдруг осенило: я вспомнил слова старшего коллеги, сказанные во время стажировки: «А на что вы потратите свою первую зарплату? В принципе, можно на что угодно, но, если купите подарок тому, кто вам помог, этому человеку будет очень приятно. Так что рекомендую поступить именно так». Точно. Завтра поеду куда-нибудь и найду подарок для госпожи Нацуко. Но еще я хотел купить подарок для кое-кого другого, не менее важного! Но куда же лучше отправиться? Где найти вещь, которая порадует госпожу Нацуко? Если уж говорить о Токио, то таким местом наверняка можно было называть магазин письменных принадлежностей «Гиндза Сиходо».

Госпожа Кисима проводила меня до главного входа в универмаг «Мацукия», выходящий на улицу Гиндза-Тюдори*.

— Э-эх, вам вон в ту сторону. Вы точно справитесь? А то я могла бы приставить кого-нибудь из молодых сотрудников. Сама бы проводила, но у меня сразу после этого встреча... Вы уж простите. — Госпожа Кисима, вышедшая проводить меня до входа, выглядела обеспокоенной.

— У меня есть карта, которую вы дали, так что все в порядке. Да и смартфон есть, так что как-нибудь разберусь, — ответил я как можно более непринужденно.

— Ну, если вы так говорите... Ах да! Я сейчас же позволю в магазин, как только зайду. Там о вас обязательно позаботятся! — добавила она торопливо. В мягком взгляде госпожи Кисимы было что-то очень похожее на взгляд госпожи Нацуко.

— Спасибо вам большое. Ну, я пошел.

* Тюо-дори — центральный проспект, главная улица Гиндзы.

— Не спешите. Спокойно, никуда не торопитесь. Если что, то сразу звоните мне на мобильный. Что-нибудь придумаем, — попросила Кисима-сан, кивнув мне на прощание.

Ну прямо как мать с ребенком, который впервые в жизни отправился за покупками. Мы ведь познакомились с Кисимой-сан всего несколько часов назад, а казалось, что знаем друг друга уже целую вечность.

Я двинулся по карте, которую она набросала мне на бумажке. Судя по всему, поначалу нужно было просто идти прямо по Тюо-дори. Пройдя немного, я оглянулся; госпожа Кисима все еще стояла в углу у входа. Я слегка поклонился, и она помахала мне рукой. Если уж на то пошло, рукописную карту мне дали впервые в жизни. В наше время обычно скажут: «Зайдите на сайт магазина», и дело с концом. А на листке с нарисованной картой были еще название магазина, адрес и вдобавок номер телефона госпожи Кисимы.

Я миновал два перекрестка со светофорами, на третьем пересек центральный проспект и свернул в переулок. В отличие от нарядной главной улицы, здесь тесной чередой стояли высотные здания, и место напоминало настоящий лабиринт. Я прошел немного прямо, повернул на втором углу и наконец увидел цилиндрический почтовый ящик. Наверное, его регулярно красят заново: яркий киноварный цвет* ударил в глаза. Такие ящики я видел только в кино или старых телесериалах. И действительно, ориентир что надо. Прямо напротив него и оказался нужный мне магазин.

* Киноварный цвет — традиционный яркий красный цвет с оранжевым оттенком, характерный для синтоистских святилищ (то-рии) и некоторых почтовых ящиков старого образца.

— Вот оно, значит... — невольно вырвалось у меня вслух.

Шел я, должно быть, минут десять. Теперь-то, когда я добрался, я понял, что все было ровно по карте, но для меня, недавно перебравшегося в Токио, это все равно стало маленьким приключением.

Мне говорили, что это старая лавка* письменных принадлежностей, однако трехэтажное здание, хоть и источало ощущение возраста, ничуть не выглядело обветшалым. В нем чувствовалось благородство и вместе с тем какая-то умиротворенность; совершенно особая атмосфера. Вход представлял собой застекленную дверь, а посередине золотыми буквами было выведено: «Сиходо».

Едва я ступил внутрь, меня встретил мягкий аромат. Благовония? В отличие от резких запахов духов, которые напористо заявляют о себе, здесь была нежность. Этот запах словно бережно укутывал меня, измученного непривычным Токио. С легкой заминкой из глубины магазина донесся мужской голос:

— Добро пожаловать!

В этом голосе было что-то родственное мягкости благовоний. Чувствовалось, что он от всего сердца рад моему приходу. Я впервые слышал такое искреннее, такое теплое «Добро пожаловать!».

Вообще, одна из вещей, которая меня раздражает в Токио, — как раз это «Добро пожаловать!». Там, в глубинке**, где я родился и вырос, мы даже покупателям говорим

* Старая лавка — японский термин для компании или магазина с долгой историей, часто семейного, передаваемого из поколения в поколение. Обычно подразумевается возраст не менее 100 лет, но может использоваться и для более молодых, но уважаемых заведений.

** В глубинке — здесь не просто «деревня», а противопоставление большому городу (Токио).

просто «Здравствуйте». Если утро, то «С добрым утром!», если вечер — «Добрый вечер!». Думаю, тут сказывается и то, что большинство жителей знают друг друга в лицо. А скажи у нас «Добро пожаловать!» — это запросто могло бы прозвучать как: «О, а не впарить ли ты мне чего задумал?» Конечно, с улыбкой. Вот и получалось, что именно это меня раздражало и в круглосуточных магазинах, и в фастфудах, и в сетевых изакаях*, и даже в банках и в окошках госучреждений! Везде эти противно-звонкие выкрики «Добро пожаловать!».

Но «Добро пожаловать!» в этом магазине было особенным. В нем не было ни капли той тошнотворности. Почему? Я и сам толком не понимал. Может, просто от облегчения, что благополучно добрался, мне так показалось. Хозяин голоса, заметив, видимо, мою неуверенность и растерянность, сразу появился. Светло-голубая рубашка, серые брюки, однотонный темно-синий галстук, простые черные кожаные туфли на шнурках. Волосы ни длинные, ни короткие, с естественным пробором. Лет, наверное, за тридцать пять?

— Простите... это и есть магазин «Сиходо»?

Хотя я и проверил название еще перед тем, как войти за стеклянную дверь, с моих губ все равно сорвался совершенно бестолковый вопрос.

— Да, это наша лавка «Сиходо». Извините за нескромность, вы, случайно, не господин R?

— А... да, — кивнул я не очень уверенно.

— Мы вас ждали. Не заблудились?

— Нет, дорога не была сложной. К тому же мне дали вот это.

* Изакаи — японские пивные-закусочные, традиционные бары с едой.

Мужчина, взглянув на листок в моей руке, слегка кивнул.

— Ну и славно. Только что звонила Кисима-сан. Сказала, что порекомендовала одному важному гостю, господину R, магазин «Сиходо». Велела встретить со всем возможным радушием, когда вы появитесь. — С этими словами он достал из кармана портмоне для визиток, вытащил одну карточку и протянул мне. — Меня зовут Такарада Кэн, я из «Сиходо». Будем знакомы, прошу любить и жаловать.

— Ах! Э-э... с-с моей стороны тоже... очень приятно... — промямлил я не очень уверенно.

Для меня, человека застенчивого, нет ничего более напряженного, чем приветствие при первой встрече. Знал ли он о моих чувствах или нет, но Такарада-сан не переставал мягко улыбаться и продолжал:

— Но, прежде всего, по какому вы делу? Наша Кисима-сан сказала только: «Кэн-тян^{*}, короче, полагаюсь на тебя!» — и повесила трубку. Впрочем, с ней это каждый раз так... Так что я не в курсе, зачем вы пожаловали.

Тут я наконец очнулся:

— Ах да! Э-э... мне нужны почтовая бумага^{**} и конверты...

Такарада-сан, с видом человека, который говорит: «Ну конечно, я так и думал», — глубоко кивнул, выдержал паузу и ответил:

— Слушаюсь.

* Кэн-тян — уменьшительно-ласкательное обращение от старшей коллеги Кисимы к Такараде. Суффикс «-тян» обычно используется для детей, близких женщин, домашних животных или в шутивно-фамильярном ключе между взрослыми.

** Почтовая бумага — в японском контексте обычно означает набор высококачественной бумаги для писем, часто с линовкой или узором, продаваемый вместе с конвертами.

Затем плавным, неторопливым жестом он повел рукой в глубину магазина и добавил:

— Пожалуйста, сюда. Основные сорта почтовой бумаги и конвертов расположены вон на тех полках.

Сам не знаю почему, но неторопливое, до мельчайших деталей учтивое обслуживание Такарады-сан было мне приятно. Суетливый подход, когда с клиентом обмениваются только сутью дела, меня сбивал с толку. Возможно, это порождение ума горожан, которые вечно куда-то спешат. Однако такой подход бездушен, словно ты имеешь дело с торговым автоматом, и мне с ним не сжитья.

Полки, куда он меня провел, были плотно уставлены самыми разными наборами бумаги и конвертов. Тут были и дорогие, с первого взгляда узнаваемые образцы, вроде бумаги ручного изготовления, васи*, и нарядные — с вкраплениями засушенных цветов, и западного образца — с четкими красно-коричневыми линейками на бледно-голубом фоне. Одних только названий было достаточно, чтобы настроение само собой поднималось.

Рядом с каждым сортом бумаги лежали конверты того же дизайна. К бумаге для вертикального письма** прилагались конверты «нагагата»***, для горизонтального — «ёгата»****.

* Васи — традиционная японская бумага, изготавливаемая вручную из волокон дерева кодзо (тутовник), гампи или мицумата. Отличается прочностью, долговечностью и текстурой.

** Для вертикального письма (縦書き татэгаки) — традиционное направление письма в японском языке: столбцы сверху вниз, столбцы идут справа налево. Конверты для таких писем имеют особую форму.

*** Нагагата — «длинная форма» — тип японского конверта для писем в вертикальном исполнении.

**** Ёгата — «западная форма» — тип конверта для горизонтального письма, близкий к стандартным европейским конвертам.

Беглым взглядом я прикинул и насчитал не меньше двухсот видов.

— Помимо того, что представлено здесь, у нас есть наборы с сезонными рисунками и так далее. А так называемые поздравительные карточки находятся возле отдела с открытками. — Такарада-сан окинул свои владения довольным взглядом.

— Как много... Честно говоря, я растерялся.

— Благодарю вас, — скромно улыбнулся он. — Площадь торгового зала у нас ограничена, так что выставить все, что хотелось бы, мы не можем. Зато ассортиментом бумаги васи и привозной из-за границы мы гордимся! Даже в Токио нас можно пересчитать по пальцам. Разумеется, если чего-то нет у нас, мы можем порекомендовать другие крупные магазины письменных принадлежностей. Например, в Гиндзе, в Нихомбаси, вокруг Токийского вокзала. Просто скажите, чего желаете. Ассортимент в других магазинах я в целом знаю, да и по соседски попросить их отложить товар для вас по телефону тоже могу.

— Да нет, что вы, — смутился я еще больше. — Даже из того, что здесь, выбрать уже непросто, а уж ходить смотреть еще и в другие места... Куда мне. М-м-м...

Такарада-сан, не переставая мягко улыбаться, взял в руки один из наборов.

— Вот этот, «Таёри»*, — на вертикальную строку десять строк, фон нежно-белый, линейки едва намечены, так что подойдет на любой случай. Кстати, это наш оригинальный товар.

* «Таёри» — название бумаги. Иероглиф означает «весточка, письмо, известие». Омофонично слову «удобный», но здесь — именно письмо.

— О, вот оно что... — с интересом пробежал я взглядом по предложенному образцу. И правда, очень изящная работа.

Такарада-сан снял с полки двумя ярусами выше другой набор.

— А это — «Хагоромо»*. Его тоже можно купить только у нас. Один мастер бумаги васи решил, что хочет создавать не только произведения искусства, но и вещи для практического пользования. С тех пор все и началось. Но количество экземпляров очень маленькое... Бумага высококачественная, линованная особым способом**. Тоже на все случаи. А еще... Ах, простите! Я что-то без спроса рекомендую лишь то, что нравится мне самому.

Такарада-сан выглядел лет на тридцать пять, но от его педантично-вежливой манеры веяло чем-то неуловимо необычным.

— Оба варианта очень простые, но благородные. И смотрятся так элегантно! Правда, замечательные... — задумчиво проговорил я.

Я прекрасно знал за собой, что я нерешительный до невозможности.

— Способов выбрать бумагу и конверты по большому счету два. Первый: когда отправитель выбирает по своему вкусу. Обычный, так сказать, — подсказал Такарада-сан. — Второй: когда выбирают то, что, вероятно, порадует получателя.

* «Хагоромо» — название бумаги. Буквально «крылатое одеяние», «оперение». Это отсылка к известной легенде о небесной деве (тэннин), чью хагоромо (волшебную накидку из перьев) украл смертный.

** Способом водяного знака — в японском бумажном деле: линию для письма не печатают и не тиснят, а создают в процессе отлива бумаги, делая волокна в этом месте более разреженными (так что линия видна на просвет).

Те два набора, что я рекомендовал вам вначале, — это классика из классики. С ними вы не ошибетесь, но, возможно, в них нет ничего интересного. Поэтому, если позволите, не попробуйте ли вы выбрать, представив того человека, которому пишете?

— Да... возможно, вы правы...

Я понимал, что совет дельный, но писать настоящие письма, то есть письма именно в конвертах, а не открытки, мне не доводилось. Открытки на Новый год — самое большее из того, что я писал.

— Раз вас рекомендовала госпожа Кисима, вы, наверное, собираетесь вложить что-то в подарок? — Заметив, что я не могу связать и двух слов, Такарада-сан пришел мне на помощь.

— Ах да, точно! Видите ли, я получил первую зарплату и хочу потратить ее на подарок бабушке в деревне. Выбрался в Гиндзу, походил туда-сюда, поглазел, но что подарить, ума не приложу... Когда я совсем отчаялся и забрел без цели в гастроном универмага, ко мне обратилась продавщица и...

Тут Такарада-сан неожиданно фыркнул:

— Неужели она сказала: «Эй-эй, парень, ты в порядке?»

— Да! Точно-точно! — воскликнул я пораженно. — «Парень, ты в порядке? Весь в поту, вид усталый. А вот ледяной гёкуро*, как раз сейчас самый сок», — и протянула мне стаканчик. Я опешил, а она вытащила откуда-то стул и говорит: «Садись давай, передохни малость». И усадила меня прямо у витрины...

Такарада-сан одобрительно кивнул, явно забавляясь:

* Гёкуро — высший сорт японского зеленого чая. Выращивается в тени за несколько недель до сбора, что дает ему сладкий, умами-вкус и низкую терпкость.

— Госпожа Кисима именно такая: заметит уставшего или растерянного человека — и не может пройти мимо.

— Вот как... Но чай, который она мне дала, был правда очень вкусный. Нет, без преувеличения! Я никогда в жизни не чувствовал такой сладости. — Я невольно шумно выдохнул. — И она, доливая мне еще, спросила: «Что стряслось? В Гиндзу приехал и вздыхаешь. Что-то случилось?»

Право слово, удивительно. Мы знакомы с Такарадой-сан всего несколько минут, а говорить с ним оказалось неожиданно легко. Да и с госпожой Кисимой тоже. Может, сегодня у меня вообще день встреч с добрыми людьми?

— Скажите... а сколько госпоже Кисиме примерно лет? — поинтересовался я тише, будто хотел узнать что-то секретное.

— Ну что вы, спрашивать женщину о возрасте неловко, так что понятия не имею. Но она работала в универсаме «Мацукия» с тех самых пор, как я себя помню, — задумчиво ответил Такарада-сан. — Так что, наверное, возраст солидный. Точно, несколько лет назад она достигла пенсионного возраста, а теперь работает по контракту: занимается обучением персонала и служит таким консультационным окном для особо важных клиентов. Ах да... она, кажется, одна из немногих, кто может обращаться к президенту Мацукии на «-кун»*.

* Обращение на «-кун» к президенту компании — в японском деловом этикете суффикс «-кун» обычно используется для обращения к младшим по статусу или равным (чаще к мужчинам). Называть президента компании -кун — чрезвычайная фамильярность, возможная только при исключительно близких, многолетних отношениях, когда вышестоящий позволяет себе снижение дистанции в знак особого доверия и расположения либо когда говорящий занимает настолько высокое положение, что формальные правила для него не писаны.

— Ого... и вот такой замечательный человек меня окликнул, — выдохнул я коротко, только сейчас осознав все свое положение в тот миг.

Такарада-сан, слегка покачав головой, улыбнулся:

— Но если вы назовете ее замечательным человеком, она рассердится: «Ну вот, как страшная тетя, да?» А на самом деле строга она только к себе и к работе. А к людям, ко всем без исключения, она очень добра. Хотел бы я сам быть таким. Как торговец... нет, как человек.

Такарада-сан заговорил так, словно убеждал самого себя, и глубоко кивнул, но вдруг, будто очнувшись, почесал затылок и добавил поспешно:

— Простите, это я отвлекся.

— Нет... Мне просто хотелось с кем-нибудь поделиться тем, как добра ко мне была госпожа Кисима. Я рад, что вы выслушали, — улыбнулся я мужчине вежливо.

Если подумать, то с тех пор, как я переехал в Токио в конце марта, я, возможно, впервые рассказал кому-то о том, что случилось за день. Раньше я всегда рассказывал госпоже Нацуко все подряд, без связи, без смысла. Однажды за обедом во время стажировки я ляпнул, что запаниковал, когда автоматическая дверь не открылась. В ответ меня кто-то спросил: «И где тут соль?» Я растерялся, на меня посыпались холодные усмешки, и никто меня не поддержал. С тех пор я боялся разговаривать с людьми.

Лицо Такарады-сан дышало мягкостью: он слушал с тихой улыбкой, слегка кивал и подталкивал меня продолжать.

— Я выпил чай, немного успокоился и честно рассказал, что хочу на первую зарплату купить подарок бабушке, которая меня вырастила, но понятия не имею, что именно. Она тогда стала предлагать то одно, то другое, и в конце концов мы остановились на чае.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

